

Школа
неразрывной магии:

Дракон для
непокорной
ПОПАДАНКИ

ЛОЕС МОРРЕН

Лоес Моррен

Школа неразрывной магии: Дракон для непокорной попаданки.

<https://litres.ru/74569557>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я всего лишь открыла загадочное письмо и оказалась в школе Неразрывной магии, где девушки учатся заклинаниям, а самые красивые парни превращаются в драконов. Молодой ректор уверяет, что здесь я обрету дар и научусь летать. Только никто не объясняет, как вернуться домой и что делать, если дракон, которому тебя доверили, терпеть не может чужих приказов.

Дарен, надменный красавец и чёрный дракон, будто поставил себе целью довести меня до слёз. Он срывает наш первый полёт, злится, когда я ему перечу, и смотрит так, что все приготовленные колкости вылетают из головы. А молодой преподаватель Элиан умеет слушать, замечает то, что я старательно скрываю, и с каждой встречей становится опасно дорог мне.

Между уроками, балами и полётами легко поверить, что самое трудное здесь — разобраться в собственном сердце. Но за стенами школы шепчет тёмный лес, моё появление вызывает слишком

много вопросов, а обещанная связь с драконом может оказаться ловушкой.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Лоес Моррен Школа неразрывной магии: Дракон для непокорной попаданки.

Глава 1

В день, когда моя жизнь решила окончательно испортиться, я купила себе булочку с корицей. Денег после этого осталось на две поездки в автобусе и бутылку молока, зато булочка была тёплой, а от сладкой глазури липли пальцы.

Я стояла под козырьком пекарни, смотрела на мокрый тротуар и старалась не думать о женщине, которая полчаса назад объяснила мне, что для работы в книжном магазине у меня недостаточно опыта.

Опыта у меня действительно не было, если не считать восемнадцать лет жизни и умение находить нужную книгу по описанию «там девушка, кажется, кого-то полюбила, а на обложке дерево».

Я помнила, в каком томе любимой серии героиня впервые поцеловала дракона, но на собеседовании это достоинство показалось мне несерьёзным. Поэтому я промолчала, пока

хозяйка магазина изучала мою анкету поверх очков.

Телефон завибрировал, когда я доела последний кусочек. Мама спрашивала, как всё прошло, и сообщала, что задержится в больнице до девяти. Я набрала «Нормально, расскажу дома», стёрла первое слово и заменила его на «Не взяли», потому что вечером притворяться всё равно пришлось бы уже вслух.

Ответ пришёл почти сразу: «Найдём другое, не расстраивайся. Купи молоко, пожалуйста. И поешь что-нибудь нормальное, а не свою булку». Я посмотрела на пустой бумажный пакет и невольно улыбнулась, хотя в горле ещё стоял неприятный комок.

В квартире пахло маминым кремом для рук и супом, оставленным на плите. Я сняла мокрые кеды, убрала молоко в холодильник и остановилась перед зеркалом в прихожей. Оттуда на меня смотрела девушка с покрасневшим носом, голубыми глазами и светлыми волосами, которые бабушка когда-то называла солнечными, а я сегодня охотно обменяла бы на любую более послушную шевелюру.

Бабушки не стало весной, и иногда мне всё ещё хотелось набрать её номер. Она умела выслушать так, что после разговора даже самый глупый страх казался вещью, с которой можно разобраться. На мой вопрос о том, кем стать, бабушка однажды ответила, что сначала полезно выяснить, рядом с кем и от чего тебе становится тесно, а остальное постепенно приложится.

Я прошла в свою комнату, собираясь переодеться и хотя бы на час забыть об анкетах. На столе лежали раскрытая тетрадь, резинка для волос и маленькая шкатулка, которую мама отдала мне после бабушкиных похорон. Поверх тетради белел конверт, которого утром совершенно точно не было.

Сначала я решила, что мама забрала почту и зачем-то принесла её сюда. Однако на плотной бумаге не оказалось ни марки, ни адреса, ни привычного отпечатка почтового штемпеля. Только моё имя — «Алине Сергеевне Ветровой» — было выведено тонкими тёмными буквами, а на обороте серебрилась круглая печать.

Я позвонила маме, но она не ответила, поэтому отправила фотографию конверта с вопросом, откуда он взялся. Затем поднесла письмо к окну и провела пальцем по своему имени. Чернила блеснули, словно под ними двигалась вода, и я резко убрала руку, решив, что это всего лишь отсвет мокрого стекла.

Печать изображала два переплетённых крыла, между которыми помещалась крошечная звезда. Что-то в рисунке показалось знакомым, и я открыла бабушкину шкатулку, вынув кулон на тонкой цепочке. На его потемневшей серебряной оправе повторялся тот же изгиб, хотя раньше я считала его просто красивым завитком.

Кулон был единственным украшением, которое бабушка никогда не позволяла трогать чужим людям. Мне же она дала его поддержать в последний вечер, когда ещё могла разгова-

ривать, и попросила сохранить, даже если однажды придёт-
ся продавать всё остальное. Тогда я решила, что речь идёт о
семейной памяти, но сейчас её настойчивость вдруг показала-
лась странной.

Я надела цепочку, чтобы не оставить хрупкую вещь воз-
ле чашки с остывшим чаем, и вернулась к письму. Под се-
ребряной печатью виднелась тонкая неровная черта, будто
конверт уже пытались вскрыть, а потом аккуратно заклеили.
Мне следовало дожидаться маминого ответа, но после дня, в
котором все решения принимали другие, очень хотелось хо-
тя бы это сделать самой.

Печать поддалась неожиданно легко, словно согрелась от
пальцев. Внутри лежал сложенный вдвое лист, пахнувший
сухой травой и чем-то прохладным, похожим на воздух пе-
ред грозой. Я развернула его у настольной лампы, пригото-
вившись увидеть рекламу, приглашение на розыгрыш или
что-то особенно затейливую шутку.

«Уважаемая Алина Ветрова, вы зачислены на вводный
курс школы Неразрывной магии, — прочитала я. — Ваш
пробудившийся дар требует изучения и бережного сопро-
вождения. Для подтверждения добровольного прибытия
приложите ладонь к знаку приглашения после ознакомления
с условиями на обороте».

Я перевернула лист, собираясь найти мелкий шрифт с на-
званием организации. По нижнему краю тянулись бледные
строки, но разобрать их не удалось: бумага начала светить-

ся изнутри. Сначала мне показалось, что лампа отражается слишком ярко, затем свет обжёг глаза, хотя сам лист оставался прохладным.

— Очень смешно, — сказала я пустой комнате и положила приглашение на стол. — Если это ты, Даша, я оценю старания после того, как ты объяснишь, как попала в квартиру. И сразу предупреждаю, что участвовать в вашей театральной постановке я не собираюсь.

Произнести имя подруги оказалось полезно лишь на несколько мгновений. Серебряные буквы поднялись над листом, повисли в воздухе и потянулись ко мне тонкими нитями, а телефон рядом с тетрадью жалобно пискнул. На экране появилось мамино сообщение «Какой конверт?», и я успела увидеть его раньше, чем пол под ногами качнулся.

Я схватилась за край стола, но пальцы скользнули по древесине так, словно она стала гладкой от воды. Дверь комнаты отдалилась, потолок вытянулся вверх, а свет из письма закрыл собой всё, что я знала. В последнюю секунду я подумала не о чудесах и даже не о смерти, а о том, что мама вернётся с работы и найдёт на столе включённый телефон.

Воздух ударил в лицо холодом, и я опустилась на колени, больно стукнувшись о камень. Под ладонями оказались шершавые плиты, из щелей между которыми пробивалась мелкая трава, а вместо гула холодильника я услышала плеск воды. Несколько мгновений я смотрела на собственные руки, пытаюсь убедить себя, что потеряла сознание и вижу неверо-

ятно подробный сон.

Потом над головой пронёсся колокольный звон, настолько громкий, что я вздрогнула всем телом. Передо мной возвышалось здание из светлого камня с узкими окнами, высокой аркой и двумя башнями, соединёнными крытым переходом. На крыше блестели тёмно-синие пластины, похожие на чешую, а за башнями висело небо с двумя тонкими лунами, видимыми даже при дневном свете.

Я встала слишком резко, и ноги едва не подогнулись. Вместо домашних брюк на мне по-прежнему были джинсы, но толстовку я успела снять ещё в комнате, так что холодный воздух пробирался под тонкую блузку, выбранную для собеседования. Письмо тоже перенеслось со мной: я всё ещё сжимала его в руке, хотя совершенно не помнила, как снова взяла со стола.

За спиной послышался треск, похожий на короткий электрический разряд. Я обернулась и увидела, как из серебряного круга появляется рыжая девушка в домашнем халате, с чашкой в руке и мокрыми волосами. Она сделала шаг, огляделась и так медленно поставила чашку на камень, будто опасалась, что любое резкое движение разрушит остатки понятой ей жизни.

— Где ванная? — спросила она, глядя прямо на меня. — Я только что была в ванной, и у меня там вода набирается. Если это чья-то шутка, немедленно верните меня обратно, потому что соседи снизу уже второй раз делают ремонт.

Я открыла рот, но не нашла ответа, который не заставил бы её испугаться ещё сильнее. Возле фонтана вспыхнул второй круг, затем третий, и появились девушка с пакетом яблок и шатенка в спортивной форме. Последняя сразу сообщила, что ничего не подтверждала, а я посмотрела на нетронутый знак для ладони в своём письме и почувствовала, как холод проходит вдоль позвоночника.

Ответом на её возмущение стал очередной всплеск света возле арки. Из него шагнула брюнетка в длинной зелёной юбке, споткнулась о плиту и ухватилась за мою руку так крепко, что я едва удержалась на ногах. Несколько секунд мы стояли, вцепившись друг в друга, и я впервые с момента исчезновения комнаты почувствовала что-то более человеческое, чем собственный страх.

— Скажи, что ты местная и знаешь, куда жаловаться, — попросила она, всё ещё не отпуская меня. — Желательно тому, кто заведует дверьми между мирами и не очень занят. Потому что, если я сошла с ума, хотелось бы выяснить это до того, как мама начнёт звонить знакомому врачу.

— Я Алина, и ещё минуту назад собиралась есть суп, — ответила я, осторожно освобождая руку. — Жаловаться пока никому, местных я не видела, а обратно никто не возвращается. Но если найдёшь заведующего дверьми, спроси заодно, почему приглашение сработало без разрешения.

— Мира Ланская, — представилась она и посмотрела на свой конверт. — Мне тоже ничего не дали разрешить, я толь-

ко прочитала первую строчку. Значит, нас хотя бы двое, и диагноз уже не выглядит таким убедительным.

Она улыбнулась, а я вдруг рассмеялась, коротко и нервно, но после этого смогла сделать нормальный вдох. Мира сняла с плеч мягкий платок и предложила мне один край, заметив, как я кутаюсь в собственные руки. Мы встали ближе, укрывшись им вдвоём, и принялись смотреть на арку, из которой наконец появились люди без писем и выражения полного недоумения на лицах.

Первой к нам подошла женщина в тёмном платье с узкой серебряной лентой на воротнике. Она назвала себя госпожой Терис, распорядительницей жилых крыльев, попросила не покидать двор и сообщила, что ректор сейчас выйдет к прибывшим. Её спокойствие выглядело почти оскорбительным на фоне рыжей девушки, которая по-прежнему держала пустую чашку и шептала о незакрытом кране.

— У кого дома остались дети, огонь или другие обстоятельства, требующие немедленного вмешательства, подойдите ко мне, — сказала госпожа Терис, внимательно оглядывая нас. — Остальным тоже дадут возможность сообщить о себе близким, но сначала нужно проверить перенос. Пожалуйста, не пытайтесь активировать письма повторно, это может причинить вам боль.

Рыжая девушка тут же подошла к распорядительнице, и та, выслушав её, вынула из кармана маленький кристалл. Я собиралась последовать её примеру, но отвлеклась: из боко-

вого прохода во двор вошли юноши, рядом с которыми наше сборище в халатах и джинсах выглядело особенно несчастным. На большинстве были тёмные куртки с высокими воротниками и сапоги, кое-кто нёс дорожную сумку, а один держал под мышкой украшенный металлическими пластинами шлем.

Незнакомца у противоположного края фонтана я заметила не сразу. Он был выше большинства, с тёмными волосами, собранными на затылке, и лицом, на которое хотелось смотреть дольше, чем позволяли приличия. Прямой нос, чётко очерченный рот и тяжёлый взгляд делали его красивым той опасной красотой, которой в книгах обычно сопутствуют неприятности.

— Вот этот совершенно точно не потерялся, — тихо сказала Мира, наклонившись ко мне. — У него такое лицо, будто потерялись мы, фонтан и всё здание вместе с фундаментом. Надеюсь, вопросы принимает кто-нибудь другой, иначе я лучше останусь в неведении.

Я хотела согласиться, но тёмноволосый поднял глаза и посмотрел прямо на нас. Даже на расстоянии оказалось видно, что они у него янтарные, с золотистым ободком вокруг зрачка. По коже на руках пробежали мурашки, и я поспешно отвела взгляд, раздражаясь на себя за то, что посреди совершенно невероятной катастрофы нашла время смутиться из-за красивого незнакомца.

От необходимости объяснять себе это смущение меня из-

бавило движение у главной лестницы. Госпожа Терис подняла голову, юноши перестали переговариваться, и из распахнувшихся дверей вышел молодой мужчина в сером камзоле. Я ожидала почтенного старца с бородой, но этому незнакомцу можно было дать лет двадцать пять, и усталость под глазами не делала его намного старше.

— Меня зовут Адриан Эстор, я ректор школы Неразрывной магии, — сказал он, и его голос без усилия разнёсся по двору. — Судя по тому, что я вижу, некоторым из вас прибытие доставило больше неудобств, чем должно было. Прежде чем говорить об учёбе, прошу ответить, все ли успели ознакомиться с условиями приглашения и подтвердить переход.

Сразу заговорило несколько девушек, и я уже приготовилась к привычному раздражённому требованию тишины. Вместо этого ректор поднял ладонь, попросил отвечать по очереди и выслушал девушку с яблоками, которая сказала, что письмо открылось прямо в автобусе. Потом Мира объяснила, что даже не дочитала приглашение, а я добавила, что не касалась никакого знака и оставила лист на столе.

Лицо Адриана изменилось так мало, что я могла бы не заметить, если бы не смотрела на него в ожидании ответа. Он сошёл с лестницы, подошёл ко мне и попросил разрешения взять письмо. Я протянула его, не выпуская край бумаги сразу, потому что это оставалось единственной вещью, хоть как-то связывавшей меня с комнатой.

— Вы можете вернуть меня домой? — спросила я, заста-

вив пальцы разжаться. — У меня там мама, которая ещё не знает, что происходит, и телефон остался на столе. Я готова выслушать объяснения, но сначала мне нужно понять, это вообще обратимо или вы собираетесь говорить о чудесах до тех пор, пока мы перестанем спрашивать.

— Возвращение возможно, и связь с домом мы организуем сегодня, — ответил он, глядя на меня, а не на бумагу. — Однако перенос пробудил ваш дар, поэтому прежде целитель должен проверить, безопасно ли открывать обратный проход. Я не стану обещать, что отправлю вас через минуту, пока не уверен, что это не повредит вашему здоровью.

Мне хотелось ухватиться за первую часть ответа и не слышать вторую, но его прямота почему-то немного успокоила. Ректор перевернул письмо, коснулся надломленного края печати и нахмурился уже открыто. Над серебром появилась тонкая красноватая нить, которую он быстро накрыл пальцами, прежде чем я успела рассмотреть её получше.

— Печать согласия повреждена, — сказал он женщине, спустившейся вслед за ним. — Проверьте остальные приглашения и остановите новые переходы из мира людей до окончания проверки. Мне нужны записи отправки и доступ к исходным знакам, Селеста, без исключений.

Сопровождавшая его женщина кивнула и попросила письмо у девушки с яблоками. Её тёмные волосы были гладко собраны в узел, а на красивом лице не отразилось ни удивления, ни тревоги. Когда она посмотрела на меня, я маши-

нально прикрыла кулон краем блузки, сама не понимая, почему вдруг захотелось это сделать.

— Прошу пока остаться здесь и выслушать самое необходимое, — продолжил Адриан, вернув мне приглашение. — Никто из прибывших без согласия не обязан оставаться учеником, и я лично отвечаю за исправление произошедшего. Но вы уже находитесь в другом мире, поэтому некоторые сведения нужны вам независимо от того, какое решение вы примете после проверки.

— Магический дар передаётся в семье и иногда пробуждается спустя несколько поколений, — сказал ректор. — Здесь его помогают изучить, а затем учат работать со связями между живыми существами и магическими потоками. После общего курса вы сможете выбрать Связующую магию, Стражей рубежа или Исцеление потоков, если захотите продолжить обучение.

— Молодые драконы прибыли из нашего мира и подтвердили участие заранее, — объяснил Адриан. — Они будут учиться вместе с вами, но их подготовка имеет свои особенности. Для начала прошу не пугаться, если кто-то из них сменит облик, и не подходить к площадке превращений без разрешения преподавателя.

— Драконы в буквальном смысле? — уточнила я, прежде чем успела подумать, насколько глупо это прозвучит. — С крыльями, чешуёй и всем остальным, что обычно рисуют в книгах. Или у вас так называется какое-нибудь братство, а

нас сейчас проверяют на доверчивость?

Веснушчатый юноша вытянул руку, и на его предплечье проступили небольшие медные чешуйки. Они легли друг на друга, блеснули на свету и исчезли, когда он опустил ладонь.

Я могла бы придумать объяснение письму, даже двум лунам, если бы очень постаралась, но спокойная естественность этого движения отняла у меня последние остатки прежней уверенности.

— Всё, что вы перечислили, за исключением братства, — ответил Адриан, не улыбаясь над моим вопросом. — Наездницы помогают дракону согласовывать полёт с магическим потоком, защищают его и передают направление через связь. Совместная работа позволяет проходить участки рубежа, где одинокий дракон или маг быстро потерял бы силы.

— Вы забыли ту часть, где нас учат подчиняться чужим заклинаниям, — произнёс тёмноволосый, и по двору словно прошёл новый порыв холода. — Мой отец обещал подготовку к защите границы, а не возможность возить на спине людей, которые вчера даже не подозревали о нашем существовании. Может быть, прежде чем говорить о согласовании, вы объясните им, что дракон не принадлежит тому, кто сумел удержаться у него между крыльями.

— А вы объясните себе, что мы не пришли сюда выбирать средство передвижения, — сказала я, прежде чем Мира успела сжать мой локоть. — Я утром искала работу и понятия не имела, что к вечеру окажусь в школе с людьми,

недовольными моим существованием. Вам хотя бы позволили приехать добровольно, так что, если кто-то здесь имеет право возмущаться, очередь начинается не с вас.

— Никто не требует принадлежать другому человеку, Дарен, — вмешался ректор прежде, чем юноша ответил. — Ваши опасения обсудят на первом занятии, как и границы допустимых заклинаний. Сегодня задача преподавателей — разместить прибывших, проверить их состояние и убедиться, что каждый понимает свои права, а не заставить кого-то немедленно подняться в воздух.

Госпожа Терис принялась распределять девушек по небольшим группам, а юношей позвал мужчина с коротко стриженными седыми волосами. Он направился к правой галерее, и Дарен пошёл за ним последним, не оборачиваясь. Я уже собиралась последовать за Мирой, когда ректор задержал меня возле фонтана, чтобы уточнить порядок возвращения.

— Целительница примет вашу группу сразу после размещения, — сказал он, указав на левую галерею. — Обычно стабилизация занимает два-три дня, но точный срок назовут после осмотра. До тех пор у вас будут комната, одежда, питание и связь с близкими, а после проверки вы сами решите, оставаться ли здесь.

Я кивнула и поспешила догнать Миру, которая ждала под аркой, не позволяя группе уйти далеко. Мы вошли в галерею, и холод двора сменился мягким теплом, пахнущим древеси-

ной и воском. В нишах горели светильники без фитилей, а по стене двигалась тень ветвей, хотя деревьев возле окон не было.

На развилке я едва не столкнулась с Дареном: мужская группа задержалась у двери, пока наставник искал что-то в сумке. Вблизи он оказался ещё выше, чем мне показалось во дворе, и от него пахло прохладным воздухом и кожей дорожной куртки. Я сделала шаг в сторону, однако он тоже сдвинулся, и нам пришлось остановиться друг напротив друга.

— Надеюсь, при распределении пар вы будете возмущаться так же уверенно, — сказал он негромко, чтобы слышала только я. — Иначе ваши сегодняшние слова окажутся просто красивой речью перед ректором. В воздухе она вряд ли поможет удержаться.

— Надеюсь, вы к тому времени научитесь спрашивать, что я думаю, вместо того чтобы придумывать за меня, — ответила я, удерживая его взгляд. — Тогда, возможно, нам не придётся возмущаться вообще. А пока будьте добры пропустить, я хочу найти комнату раньше, чем кто-нибудь предложит мне ещё одно испытание характера.

Он чуть прищурился, но отступил, освободив проход. Я прошла мимо, чувствуя взгляд между лопатками, и только на лестнице позволила себе выдохнуть. Мира дождалась, пока дверь правого крыла закроется, после чего выразительно посмотрела на меня и качнула головой.

— Красивый, спорить не стану, но мне уже утомительно,

— сказала она, поправляя платок на моих плечах. — Я ещё не успела понять, где ванная, а он требует, чтобы ты определилась со своей позицией в воздухе. Мне больше понравился ректор, у него хотя бы есть привычка сначала слушать, потом объяснять.

Я рассмеялась и пообещала напомнить ей об этом, если объяснять он начнёт правила ночного отбоя. Госпожа Терис услышала последнее слово и сообщила, что после одиннадцати в жилых коридорах требуется тишина, хотя запирать нас никто не собирается. Затем она остановилась возле двери с медной табличкой, назвала наши имена и коснулась замка двумя пальцами.

Комната оказалась светлой, с двумя кроватями, письменными столами и высоким окном, выходившим в сад. Под ним тянулся широкий каменный подоконник, на котором спокойно можно было сидеть вдвоём, а возле двери находился общий шкаф. Распорядительница показала небольшую умывальную, объяснила, где ждать вызова к целительнице, и оставила на столе карточку с расписанием сегодняшних встреч.

— Давай договоримся об одной вещи, — сказала Мира, устроившись напротив и сжав ладони между коленями. — Если захочется плакать, можно плакать, а не изображать девушку, которая всегда мечтала очутиться среди драконов. И если одна из нас начнёт делать глупости от страха, вторая сначала накормит её, а уже потом станет ругаться.

Я согласилась и села на кровать у окна, хотя до её слов считала, что справляюсь хорошо. От мысли о маме глаза защипало, и пришлось несколько раз моргнуть, рассматривая покрывало. Мира подвинула ко мне стакан с водой, а затем рассказала, как однажды перепутала соль с сахаром, пытаясь испечь успокоительный пирог; я слушала и понемногу переставала чувствовать себя чужой даже для собственного тела.

Чтобы убрать приглашение в ящик стола, я наклонилась, и кулон выскользнул из-под блузки. Серебряная оправа вдруг стала горячей, словно украшение только что сняли с нагретого солнцем камня. Я схватила цепочку, оттянула её от кожи и увидела, что внутри мутного камня медленно раскрывается тонкая белая линия, похожая на сложенное крыло.

Мира умолкла на середине рассказа, заметив моё лицо. Я подняла кулон повыше, и от него на стену легла светлая полоска, хотя солнечный луч уже ушёл с кровати. За окном, в глубине сада, ответил такой же короткий отблеск, и бабушкина вещь дрогнула у меня в пальцах, будто потянулась к тому, что ждало снаружи.

Глава 2

Отблеск в саду погас раньше, чем я успела понять, где именно он появился. Мира поднялась с кровати, подошла к окну и попыталась разглядеть дорожки между деревьями, а я всё ещё держала кулон на вытянутой цепочке. Камень остывал, белая линия внутри него становилась тоньше, и через несколько мгновений украшение выглядело так же, как утром, когда самым непонятным предметом в моей жизни был чужой конверт.

— Только не говори, что собираешься искать, кто тебе отсюда подмигнул, — сказала Мира, закрывая окно. — У нас даже нет обуви для приключений, а у меня после переноса дрожат колени. Давай сначала узнаем, здесь все украшения светятся или только те, из-за которых приходится бежать по лесу в одной юбке.

Я спрятала кулон под блузку как раз перед тем, как за нами пришла госпожа Терис. Она отвела нашу группу к целительному, которая попросила по очереди опустить ладони в чашу с прозрачной водой. Когда подошла моя очередь, вода потеплела, по ней побежали светлые кольца, а женщина велела мне перестать задерживать дыхание.

— Сейчас вам нужны еда и спокойное занятие, — объяснила она, проводя пальцем вдоль края чаши. — Дар проснулся резко, но повреждений я не вижу, поэтому на

вводный урок идти можно. Полёты разрешат только после повторной проверки, а до этого постарайтесь не хвататься за всякий предмет, который вдруг покажется вам интересным.

Я спросила о кулоне, не снимая цепочки, и рассказала, что он нагрелся. Целительница посмотрела на камень через маленькое увеличительное стекло, заметила следы старого зачарования и посоветовала показать вещь специалисту по артефактам. Отдавать украшение она не попросила, и я испытала такое облегчение, что только тогда поняла, насколько не хотелось расставаться с последним бабушкиным подарком.

После осмотра нас проводили в небольшую комнату с зеркалами, где можно было связаться с домом по следу приглашения. Дежурная волшебница спросила имя мамы и попросила вспомнить её лицо, а я зажмурилась, представляя знакомую складку между бровями. Зеркало потемнело, затем в нём возникла больничная ординаторская, мама в голубом халате и край телефона, который она держала перед собой.

— Алина, почему у меня на экране какой-то замок и где ты находишься? — спросила она, приблизив телефон к лицу. — Я видела твоё сообщение про конверт и уже успела придумать три неприятных объяснения. Пожалуйста, начни с того, цела ли ты, а потом рассказывай всё остальное, даже если думаешь, что я буду ругаться.

Я сказала, что цела, и всё-таки расплакалась раньше, чем добралась до слова «магия». Мама слушала, поглядывая куда-то за пределы экрана, словно ждала, что сейчас появит-

ся человек и объяснит ей нелепую шутку. Но когда дежурная волшебница подошла ко мне и зависшее над её ладонью стеклянное перо само записало адрес школы, мама перестала перебивать и очень тихо спросила, как мне вернуться.

Мы проговорили почти десять минут, причём о возвращении рассказывала главным образом дежурная. Я пообещала связаться с мамой после вечернего осмотра и повторила, что пока согласилась только на обед и знакомство с правилами. Мама попросила беречь кулон и задавать неудобные вопросы, и я впервые за день почувствовала, что расстояние между нами не стало окончательным.

В комнате нас ждали подносы с горячим супом и хлебом, а Мира после разговора с семьёй выглядела заметно спокойнее. Мы сели на подоконник, поели и обсудили, какие вещи стоит попросить из дома, если появится возможность передать их сюда. Подруга призналась, что хочет пойти на урок магии, но ради Дарена не задержалась бы на лишнюю минуту: слишком уж он напоминает её двоюродного брата, привыкшего командовать всеми за праздничным столом.

— Красивый человек ещё не повод соглашаться с его мнением, — сказала я, поставив тарелку на поднос. — Я вполне могу смотреть на него и одновременно хотеть, чтобы он помолчал. А ты, кажется, слишком подробно помнишь, как выглядел ректор, хотя он большую часть времени говорил о повреждённых письмах.

Мира рассмеялась и не стала отрицать, что серый камзол

очень шёл Адриану. Потом призналась, что ей нравится его спокойный голос, особенно после двора, где почти все старались говорить громче остальных. Я уже собиралась поддеть её ещё раз, но снаружи прозвенел колокол, а на оставленной госпожой Терис карточке проступили слова о начале вводного занятия.

Аудиторию мы нашли со второй попытки, сначала заглянув в комнату, где в воздухе сушились разноцветные травы. Настоящий учебный зал оказался небольшим, с полукруглыми рядами столов, высокими окнами и доской из тёмного гладкого камня. На каждом месте лежали тетрадь, перо и прозрачный кристалл размером с крупную сливу, а на преподавательском столе стояла чашка, над которой лениво поднимался пар.

Я устроилась рядом с Мирой и осторожно коснулась кристалла ногтем. Он отозвался слабым звоном, будто внутри ударили по тонкому стеклу, и я быстро убрала руку, вспомнив совет целительницы. Рыжая девушка из двора, уже переодетая в простое синее платье, села впереди нас и сообщила соседке, что её зовут Лиза и воду дома, к счастью, успели перекрыть.

Когда дверь открылась, я ожидала ещё одну строгую женщину с распоряжениями. Вместо неё вошёл молодой мужчина с каштановыми волосами, светлыми глазами и книгой под мышкой. Его тёмный камзол сидел свободнее, чем одежда Дарена, а возле воротника выглядывала складка светлой ру-

башки, словно перед занятием он успел поспорить с зеркалом и остался при своём.

— Добрый день, меня зовут Элиан Ровен, и ближайшие несколько занятий мы проведём вместе, — сказал он, положив книгу на стол. — Ректор передал, что ваш первый опыт магии оказался не самым удачным, поэтому сегодня никто не будет требовать от вас подвигов. Если к концу урока кристаллы останутся целыми, а вы поймёте, для чего они нужны, я сочту это хорошим началом.

Элиан повернулся к доске, и по камню побежали светлые линии, складываясь в силуэт дракона и сидящей у основания его шеи девушки. В моей тетради одновременно появился такой же рисунок, отчего я невольно прижала страницу ладонью. Мира наклонилась рассмотреть свой лист, а преподаватель подождал, пока мы привыкнем к происходящему, и лишь затем начал объяснять устройство полётной связи.

— В пособиях вы встретите слово «управление», — сказал он, указав на линию между двумя силуэтами. — Наездница передаёт направление, поддерживает защиту и чувствует изменения потока раньше, чем они ударят по крыльям. Дракон отвечает силой и движением, поэтому безопасный полёт начинается с того, что оба понимают, куда хотят попасть и что готовы делать ради этого.

— А если он понимает, но просто не хочет? — спросила я, прежде чем успела решить, стоит ли вспоминать Дарена перед всей аудиторией. — Нам уже объяснили, что драконы

не особенно рады будущим пассажирам. Хотелось бы знать, существует ли заклинание на случай, когда тебе вежливо предлагают передумать на высоте нескольких сотен метров.

— На случай опасности есть защитные слова и страховка преподавателя, — ответил Элиан, и в его голосе не прозвучало насмешки. — Но спорить о маршруте следует на земле, где отказ не угрожает ничьей жизни. Я научу вас передавать желание повернуть или снизиться, однако никакая правильно произнесённая фраза не заменяет договорённости с тем, кто несёт вас в воздухе.

Он показал нам первое слово, «эйра», которое помогало открыть канал внимания, и попросил повторить его без усилия, на спокойном выдохе. Кристалл под моей ладонью сначала остался холодным, потом в нём возникла тонкая золотистая полоса. Я так обрадовалась, что задержала дыхание, и свет тут же погас, вызвав у Миры сочувственный смешок.

Элиан подошёл к нашему столу, положил свой кристалл рядом и показал, как свет появляется на выдохе. Я повторила движение, почувствовала тепло под пальцами и вдруг ощутила чужую тревогу, короткую и острую, как страх перед прыжком. Мне стало трудно дышать, хотя золотистая полоса внутри камня горела ровно, и я отняла ладонь прежде, чем поняла, что произошло.

Элиан быстро накрыл кристалл тканью, после чего неприятное ощущение исчезло. Он попросил меня назвать то, что я почувствовала, и внимательно выслушал объяснение о чу-

жом страхе, которому я не могла найти причины. Затем проверил камень и сообщил, что в нём хранится учебный отпечаток короткого полёта, а большинству новичков удаётся заметить только направление движения.

— Вы описали его достаточно точно, — ответил Элиан, убирая камень в небольшой футляр. — На следующем занятии дадим вам другой образец и проверим, как работает эта чувствительность. Пока не пытайтесь добраться до отпечатка снова, потому что чужое переживание тоже может утомить, особенно в первый день.

Перед уходом Элиан напомнил, что завтра состоится первая наземная практика и проверка готовности к полётам. Затем сообщил о вечернем приветственном бале, который ректор решил сохранить для желающих, несмотря на неполадки с приглашениями. Я посмотрела на свою блузку, ещё помнившую собеседование, и спросила Миру, не предоставляют ли здесь вместе с тетрадами хотя бы одно платье, способное пережить знакомство с настоящими драконами.

Платьями школа обеспечивала нас гораздо охотнее, чем понятными ответами о прибытии. После повторного осмотра и короткого разговора с мамой госпожа Терис отвела нас в гардеробную, где вдоль стен тянулись вешалки с нарядами всех цветов. Вещи предназначались для учениц, не успевших привезти своё, и ткань подстраивалась под фигуру, если попросить её спокойно. К каждому платью госпожа Терис подбирала туфли с мягкими ремешками.

— Только не вздумайте торопить застёжки, — предупредила она, заметив, как Лиза уже тянет к себе пышное платье с голубыми лентами. — Они слушаются хозяйку, но плохо понимают панику. В прошлом году одна девушка заперла себя в корсете, а потом пыталась доказать, что виновата я, потому что разрешила ей мечтать о более тонкой талии.

Мира выбрала глубокий зелёный оттенок, выгодно подчёркивавший её тёмные волосы, и тут же объявила, что на фоне этого платья ректору придётся приложить усилия, чтобы остаться главным достоинством вечера. Я остановилась возле ряда светлых тканей и провела ладонью по мягкому рукаву. Он сменил бледно-жёлтый цвет на розовый, отчего я отдёрнула руку, а распорядительница терпеливо пояснила, что наряды откликаются на наше настроение.

Я попробовала ещё три платья, прежде чем нашла подходящее. У него был мягкий вырез, длинные полупрозрачные рукава и свободная юбка, которая не мешала шагать, а ткань после моего прикосновения приобрела цвет вечернего неба. В зеркале я выглядела непривычно взрослой, и это заставило меня расправить плечи раньше, чем Мира успела вынести свой приговор.

— Вот теперь можно идти, — сказала она, обойдя меня со всех сторон. — Главное, не смотреть так, будто тебя заставили примерить чью-то будущую свадьбу. Ты имеешь право быть красивой даже в тот день, когда ничего не понимаешь и всё ещё собираешься вернуться домой.

За окном темнело, дорожки сада постепенно освещались маленькими огнями. Мира помогла мне собрать часть волос на затылке и оставила несколько светлых прядей возле лица, а я застегнула её серьги, чудом пережившие перенос. Когда я надела кулон, по ткани вдоль талии прошёл белый узор, напоминавший мелкую чешую, и исчез прежде, чем я успела позвать подругу посмотреть.

Украшение осталось прохладным, поэтому я решила, что сегодня уже достаточно испугалась всего блестящего. Мира повернула меня к зеркалу, приложила ладони к моим плечам и серьёзно спросила, действительно ли мне хочется идти. Я посмотрела на незнакомую нарядную девушку в отражении и поняла, что хочу хотя бы один вечер прожить здесь не в ожидании неприятностей, а ради того, что могу увидеть.

В банкетный зал мы вошли вместе, осторожно переступив порог, над которым висела гирлянда живых цветов. Свет исходил от сотен маленьких стеклянных шаров, пливших под потолком, а в открытых окнах виднелись обе луны, теперь гораздо ярче дневных. Между длинными столами и площадкой для танцев стояли ученики, преподаватели и люди, которых я ещё не встречала; музыка звучала из угла, где серебряные струны натянутой на раму арфы двигались без музыканта.

Юноши тоже переоделись, и среди строгих камзолов, вышитых воротников и начищенных сапог обычных джинсов я не увидела ни разу. Мира взяла два бокала с ягодным напит-

ком и повела меня к колонне, откуда было удобно наблюдать за залом. Я сказала, что это напоминает безопасное место для тех, кто ещё не знает местных танцев, а она ответила, что именно поэтому выбрала его раньше всех остальных умных девушек.

Дарен стоял возле окна и разговаривал с высоким светло-волосым мужчиной. Чёрный камзол оттенял его лицо, волосы теперь свободно падали до воротника, и я с неудовольствием заметила, что торжественная одежда ему действительно идёт. Когда он повернулся, его взгляд нашёл меня почти сразу, словно всё это время он следил за входом, не переставая слушать собеседника.

Ректор стоял возле главного стола, но, заметив нас, подошёл спросить, всё ли в порядке после осмотра и разговора с домом. Мира ответила значительно мягче, чем обычно, поправив прядь у виска. Когда Адриан предложил ей танец после приветствия, она так растерялась, что мне пришлось незаметно забрать её бокал.

Через несколько минут ректор произнёс короткую речь, пожелав нам найти в школе собственное дело и людей, которым можно доверять. Он не пытался превратить неприятное прибытие в прекрасную традицию и ещё раз поблагодарил тех, кто согласился участвовать в вечере. Затем музыка стала громче, первые пары вышли на площадку, а Мира, уходя вместе с Адрианом, успела обернуться ко мне с совершенно беспомощной улыбкой.

Я осталась у колонны, наблюдая, как она старается не смотреть себе под ноги. Мой напиток пах ежевикой, стекло было прохладным, и некоторое время этого хватало, чтобы чувствовать себя вполне занятой. Потом рядом раздался знакомый голос, и я подняла голову раньше, чем успела подготовить выражение лица, способное скрыть внезапное волнение.

— Если вы и дальше будете прятаться здесь, я начну думать, что наша школа разочаровала вас уже окончательно, — сказал Дарен, остановившись на расстоянии вытянутой руки. — Впрочем, тогда я надеюсь услышать претензии лично, а не узнавать о них от госпожи Терис. Позвольте пригласить вас на танец, Алина, или сначала мне придётся доказать, что это менее опасно, чем полёт?

— Я не знаю ваших танцев, — сказала я, передав бокал проходившей служительнице. — Если вы рассчитываете на безупречную партнёршу, лучше сразу выбрать кого-нибудь другого. Но если готовы объяснять и не сердиться, когда я наступлю вам на сапог, один танец я попробую.

Он заверил, что его сапоги переживали и более серьёзные испытания, и подал мне руку. Его ладонь оказалась тёплой, пальцы сомкнулись уверенно, но пока не слишком крепко, и я пошла за ним на площадку. Когда мы остановились среди других пар, Дарен положил вторую руку мне на талию, и я ощутила эту близость гораздо сильнее, чем была готова признать даже самой себе.

Первые шаги он действительно объяснил, наклонившись так, чтобы я слышала его сквозь музыку. Я следила за движением плеч, повторяла повороты и вскоре перестала бояться наступить на подол собственного платья. На короткое время всё стало удивительно простым: его рука поддерживала меня, юбка мягко скользила по полу, а золотистые глаза смотрели с тем вниманием, о котором легко начать мечтать слишком рано.

— Вы иначе выглядите, когда не пытаетесь со мной спорить, — заметил Дарен, проводя меня через поворот. — Во дворе я подумал, что вы готовы объявить войну всей школе, включая башни. Но сейчас мне кажется, что вас можно уговорить хотя бы выслушать другую сторону.

— Я и тогда слушала, — ответила я, стараясь не сбиться с шага. — Просто у другой стороны почему-то оказалось больше претензий ко мне, чем объяснений. Если вы хотели сказать, что я красиво выгляжу, можно было остановиться на этом и оставить башни в покое.

Он рассмеялся, и от этого звука мне стало ещё труднее помнить, за что именно я сердилась. Но музыка ускорилась, Дарен изменил рисунок танца, не предупредив, и я едва удержала равновесие. Его ладонь сдвинулась ниже лопаток, подтягивая меня ближе, а следующий разворот оказался таким быстрым, что светильники над головой слились в одну сияющую полосу.

Я попросила двигаться медленнее, объяснив, что не успе-

ваю, и он ответил, что мне нужно просто довериться. Возможно, он действительно собирался удержать меня от падения, но вместо помощи я почувствовала, как меня ведут туда, куда я не хотела шагать. Когда я снова попросила остановиться, Дарен сильнее сжал мою руку и предложил не портить танец сомнениями.

— Я попросила остановиться, а не оценить мои сомнения, — сказала я уже твёрже, уперев свободную ладонь ему в грудь. — Мне неприятно, когда со мной делают то, о чём я только что просила не делать. Отпустите руку, пожалуйста, я хочу уйти с площадки.

Он остановился, но несколько мгновений смотрел на меня с таким недоверием, будто я нарушила известное всем правило. Потом его пальцы разжались, и я отступила, чувствуя, как под кожей пульсирует собственное сердцебиение. Не дожидаясь нового объяснения, я прошла между парами к боковой галерее, стараясь не зацепить ничей подол и не расплакаться от злости на виду у всего зала.

За колоннами было прохладнее и тише, хотя музыка продолжала доноситься сквозь открытую арку. Я остановилась возле высокого окна и прижала ладони к каменному подоконнику, постепенно возвращая дыханию прежний ритм. Больше всего раздражало то, что мне почти понравился этот танец, а теперь я чувствовала себя глупой за то, что вообще согласилась.

В тёмном стекле отразилось чьё-то движение, и я резко

обернулась, ожидая увидеть Дарена. Однако возле арки стоял Элиан, державший в руках стакан воды, и взгляд его был направлен на меня, а не на площадку. Вечерний камзол оказался немного светлее того, в котором он пришёл на урок, а каштановые волосы были убраны со лба, открывая лицо, усталое и неожиданно близкое без преподавательского стола между нами.

— Мне показалось, вам может пригодиться вода, — сказал он, протягивая стакан и останавливаясь чуть поодаль. — Если вы хотите побыть одна, я не стану мешать. Но стоять здесь и сердиться на каменный подоконник долго неудобно, у него слишком убедительные доводы.

Я взяла стакан и невольно улыбнулась, хотя совсем недавно считала улыбку невозможной. Элиан не стал спрашивать, что произошло, и от этого мне захотелось рассказать самой, без необходимости защищаться. Я объяснила, что попросила Дарена замедлиться, а он решил, будто понимает мои возможности лучше меня, и в конце призналась, что до этого мне действительно было хорошо.

В зале закончилась быстрая мелодия, и арфа начала новую, более плавную. Я выглянула из галереи, заметила Миру у стола и убедилась, что она занята оживлённым разговором с ректором. Дарена возле площадки не было, но от этого стало легче лишь настолько, чтобы я смогла перестать следить за каждым движением в арке.

— Если вы ещё хотите танцевать, я могу предложить этот

танец, — сказал Элиан, когда я поставила пустой стакан на столик. — Он медленнее, а шаги похожи на те, которые вы уже попробовали. Сразу договоримся, что вы остановите меня, если станет неудобно, потому что я тоже умею ошибаться и не всегда замечаю это первым.

Я посмотрела на его протянутую руку и кивнула. Мне нравилось, что он не обещает безупречности, и ещё больше нравилось спокойствие, с которым ждёт моего ответа. Когда я положила ладонь в его ладонь, пальцы у меня больше не дрожали, хотя сердце почему-то снова ускорилося, на этот раз без всякой злости.

Мы вышли на край площадки, где оставалось больше места, и Элиан сначала показал мне движение без поворота. Я попробовала, сбилась, тихо рассмеялась и извинилась, а он предложил повторить, пока музыка даёт нам время. Постепенно я перестала считать шаги, позволила юбке двигаться вслед за собой и обнаружила, что могу смотреть на партнёра, не опасаясь немедленно потерять равновесие.

Он спросил, чем я занималась дома, и я рассказала о собеседовании и булочке, которой пыталась исправить настроение. Элиан слушал так внимательно, будто обычный день в чужом мире тоже был достоин рассказа. Когда он поинтересовался, какую книгу я выбрала бы для человека, никогда не видевшего мой мир, я задумалась гораздо серьёзнее, чем над всеми вопросами на собеседовании.

— Наверное, ту, после которой хочется выйти на улицу

и внимательнее смотреть по сторонам, — сказала я, чуть замедлив шаг, и он сразу подстроился. — У нас тоже бывает красиво, хотя никто не летает над крышами на драконе. Я не хочу забывать это только потому, что здесь лампы умеют висеть в воздухе, а платье слушается лучше, чем моя старая одежда.

— Тогда посоветуйте мне одну из таких книг, когда появится возможность, — сказал Элиан, чуть наклонившись, чтобы я лучше его слышала. — Я бы хотел увидеть ваш город таким, каким видите его вы. И обещаю обойтись без дракона над крышами, если обычная прогулка поможет понять больше.

Я рассмеялась и уже собиралась рассказать о любимой улице возле реки, когда при повороте манжета его рукава сдвинулась. На запястье виднелся неровный светлый след, похожий на давний ожог, и Элиан, заметив мой взгляд, осторожно поправил ткань. Он перевёл разговор на завтрашний урок, а я впервые поняла, что у спокойных людей тоже есть темы, к которым нельзя приближаться без приглашения.

Когда музыка закончилась, он отпустил мою руку, и мне захотелось удержать её ещё на мгновение. Элиан улыбнулся, сказал, что сегодня я справилась с двумя совершенно разными уроками, и пожелал отдохнуть перед практикой, вновь назвав меня ученицей. Я понимала, почему он вернул между нами эту привычную дистанцию, но всё равно проводила его взглядом, пока он не остановился возле других препода-

вателей.

Мира отыскала меня у колонны, успела шепнуть, что я многое пропустила, и тут же заметила моё выражение лица. Я хотела рассказать ей обо всём, но увидела Дарена у противоположной стены: он смотрел прямо на меня, а на его лице уже не было прежней насмешливой уверенности. Подругин голос на мгновение отдалился, потому что я вспомнила тепло двух разных ладоней и впервые испугалась не магии, не чужого мира и даже не завтрашнего полёта, а того, как трудно будет разобраться в собственном сердце.

Глава 3

Утром я проснулась оттого, что Мира уронила расчёску и негромко выругалась. Несколько секунд лежала с закрытыми глазами, пытаясь вспомнить, почему кровать стала шире, а за окном вместо машин кричат незнакомые птицы. Потом увидела на спинке стула вчерашнее платье, и вместе с памятью о чужом мире вернулось ощущение тёплой ладони, поддерживавшей меня в последнем танце.

— Надеюсь, сегодня нам дадут какое-нибудь разумное занятие, — сказала она теперь, собирая волосы в косу. — Например, научат чайник кипятить или заставлять ботинки сушиться, пока спишь. Потому что вчера я могла поверить в собственную храбрость, а сегодня очень хочется сначала позавтракать и только потом становиться наездницей.

Я согласилась так горячо, что Мира рассмеялась и протянула мне школьную куртку. Плотные брюки, светлая рубашка и мягкие сапоги оказались гораздо удобнее вчерашнего платья. Я спрятала кулон под воротником, проверила ящик с письмом и вышла следом за подругой, надеясь, что Дарен хотя бы за завтраком будет сидеть далеко.

После еды нас снова осмотрела целительница и разрешила короткую практику внутри защищённого двора. Обратный переход между мирами пока оставался опасным для проснувшегося дара, но местный полёт под страховкой, как

она объяснила, не требовал такой нагрузки. Я несколько раз переспросила, можно ли отказаться, и лишь убедившись, что это не повлияет на возвращение домой, согласилась участвовать в наземной подготовке.

Лётный круг находился за садом, на широкой площадке, выложенной серым камнем. Между ним и деревьями тянулись дорожки, а по краю стояли низкие столбы, соединённые полосой голубоватого света, которая терялась где-то над крышами. Юноши уже ждали возле скамей с ремнями и небольшими сёдлами; Дарен разговаривал с седым наставником и не смотрел в нашу сторону, пока мы не подошли ближе.

Элиан начал занятие с упражнения на внимание и дал мне новый кристалл, как обещал вчера. На этот раз внутри ощущалось только движение, спокойное и ровное, и золотая полоса зажглась без неприятного толчка под рёбрами. Он кивнул, забрал камень и сказал, что моя вчерашняя реакция требует отдельного изучения, но сегодня не помешает освоить простые команды.

Нас научили передавать просьбу снизиться словом «лаэр» и прекращать упражнение словом «вэр». Седой наставник, представившийся мастером Орсом, показал страховочные ремни и предупредил юношей, что любой незапланированный манёвр немедленно завершит полёт. Мы несколько раз повторили слова на земле, а потом Элиан подвёл всех к столу, где на круглом основании стояли две прозрачные чаши.

— Прибор сравнивает, насколько легко ваши силы могут проходить через общий канал, — объяснил он, положив ладонь на обод одной чаши. — Он помогает выбрать пары для первого упражнения, но не решает за вас, с кем вы обязаны работать. Если предложенный партнёр вам не подходит, скажите об этом до того, как наденете страховку.

Мире достался веснушчатый юноша, показавший вчера чешую, и выяснилось, что его зовут Рейн. Он шутливо предупредил, что хуже всего переносит щекотку, а она ответила, что предпочла бы заранее узнать о непереносимости высоты. Они рассмеялись, и я почти позавидовала лёгкости, с которой у некоторых людей начинается знакомство, когда мастер Орс произнёс моё имя вместе с именем Дарена.

Когда мы с Дареном положили ладони в чаши, свет между ними возник почти сразу и поднялся над основанием золотистой дугой. Мастер Орс уважительно присвистнул, а Элиан наклонился проверить метки на ободе. Я чувствовала тепло, но оно не было похоже на спокойствие вчерашнего танца: скорее на туго натянутую струну, которую страшно задеть.

— Для новичка проводимость очень высокая, — сказал Орс, занося что-то в журнал. — На первом круге держитесь вдоль внутренней линии и не пытайтесь подняться выше учебных отметок. Дарен, покажите ей посадку, а о скорости мы поговорим после того, как вы оба научитесь возвращаться с одним и тем же выражением лица.

— Я не хочу повторения вчерашнего вечера, — сказала я

Дарену, когда мы отошли от стола. — Если я попрошу остановиться, вы остановитесь, даже если вам покажется, что я прекрасно справляюсь. Мне достаточно одного спокойного круга, а ваши способности я оценю когда-нибудь потом, если вообще останусь здесь.

Он посмотрел на меня, затем кивнул и попросил примерить седло, закреплённое на деревянной стойке. Я повторила нужные движения, проверила ремни и лишь после этого согласилась на настоящий полёт. Элиан ещё раз предложил отложить его, но я отказалась, решив, что один спокойный круг всё-таки сумею выдержать.

Мастер Орс отвёл Дарена к центру площадки, где не было ни людей, ни снаряжения. Воздух вокруг него потемнел, словно солнце закрыло маленькое облако, а по камню пробежала рябь, от которой заболели глаза. Я отступила на шаг, моргнула и вместо высокого юноши увидела дракона, опустившего передние лапы на плиты с таким звуком, будто рядом поставили тяжёлый сундук.

Он был чёрным, но свет ложился на чешую синими и фиолетовыми отблесками. Длинная шея изгибалась над площадкой, за головой тянулся ряд гладких роговых пластин, а сложенные крылья казались слишком большими даже для такого тела. Когда дракон повернулся ко мне, я узнала золотистые глаза и вдруг перестала думать о Дарене как о человеке, с которым неудачно потанцевала вчера.

Мне хотелось подойти и коснуться чешуи, хотя мину-

ту назад единственным разумным решением представлялось остаться у скамьи. Мастер Орс проверил седло у основания шеи, позвал меня и показал, куда ставить ногу. Я поднялась с его помощью, устроилась между невысокими выступами и почувствовала под ладонью живое тепло, намного сильнее того, которое помнила от человеческой кожи.

Я кивнула, взялась за петли и тихо произнесла «эйра». Между мной и Дареном возникло ощущение присутствия, такое близкое, будто кто-то встал вплотную за спиной, хотя вокруг оставался пустой воздух. По каналу прошла короткая волна нетерпения, затем ясный образ прямой линии, и я осторожно ответила согласием, вспомнив обещание о спокойном круге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.